
Московские и тверские противни договоров 1454–1456 и 1462–1464 гг.

DOI 10.31168/91674-483-5.23

Известно немало свидетельств тому, что договорные грамоты между русскими князьями, или между князьями и Новгородом, составлялись в нескольких экземплярах (по числу контрагентов). Практика нескольких экземпляров окончательно устанавливается во второй половине XIV в. Имеются и сохранившиеся в двух экземплярах ранние договоры князей с Новгородом. Согласно приведенным С.М. Каштановым данным, единой традиции их оформления еще не было: есть примеры грамот, составлявшихся в одном экземпляре — с несколькими печатями; в двух, скрепленных княжеской серебряной буллой; в двух с печатями на каждой с обеих сторон¹. Грамота 1307 г. между Новгородом и Михаилом Ярославичем сохранилась в двух экземплярах: оба — с новгородской стороны, на одном экземпляре печать князя, на другом — Новгорода².

В XV в. традиция скреплять экземпляры грамот двумя печатями устанавливается уже устойчиво, многие из них сохранились именно так — два экземпляра, соединенные вместе печатями. За XV в. (уже со второй четверти) в ряде случаев мы имеем по два экземпляра скрепленных пар (всего по 4 грамоты договора), что проливает свет на процесс заключения и дальнейшего хранения договоров: каждая сторона получала такую официально заверенную пару.

¹ См.: *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 76–78.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 9–10. С. 19–22.

Каков же был процесс составления таких экземпляров? Изучение подлинников договоров, в том числе тех, которые дошли до нас в двух противнях (или в двух парах противней), проводившееся с различными исследовательскими целями, не дает возможности сделать однозначное заключение.

В.Д. Назаровым, изучавшим договор князей Шуйских с Дмитрием Шемякой, было предпринято сравнение его внешних характеристик с четырьмя актами: договором Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным (1434), договорами Василия II с Дмитрием Шемякой 1436 и 1441–1442 гг., а также «крестоцеловальной записью» (перемирной грамотой) Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского с Михаилом Верейским и Белозерским и Василием Серпуховским об условиях мира с Василием II. Задачей сравнения было определить, в какой канцелярии составлялась анализируемая грамота³. Договоры, сохранившиеся в противнях⁴, В.Д. Назаров характеризует как единый документ, не отмечая, что при совпадении вида бумаги почерки писцов противней различаются (т.е. они писались разными дьяками).

Сравнение противней договора 1496 г. между рязанскими князьями (один из них в копии) с выявлением разного рода встречающихся в них разночтений было проведено В.А. Кучкиным, и оно привело к важному выводу о том, что противни не всегда совпадают между собой⁵.

Понять истоки таких разночтений, которые вовсе не во всех случаях сводились к случайным пропускам или ошибкам, может помочь сравнительный анализ договорных грамот между московскими и тверскими князьями, которых сохранилось немало, в том числе и скрепленных пар грамот.

Всего таких договоров сохранилось 6. Из них пар — 3: договор Василия II с Борисом Тверским (1454–1456 гг.⁶, РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 39, по ДДГ № 59) и 2 договора Ивана III с Михаилом Борисовичем (1462–1464 гг. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 43, по ДДГ № 63 и 1484–1485 гг. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 71, по ДДГ № 79).

Грамота Михаила Борисовича второго договора Ивана III с Михаилом Борисовичем середины 80-х гг. имеет утрату значительной части

³ Назаров В.Д. Докончание князей Шуйских с князем Дмитрием Шемякой и судьбы Нижегородско-Суздальского княжества в середине XV века // Архив русской истории. М., 2002. Вып. 7. С. 40–43.

⁴ ДДГ. № 35 и 38.

⁵ Кучкин В.А. К характеристике рязанского договора 1496 г. // Восточноевропейский средневековый город. Рязань, 2012. С. 90–101.

⁶ Датировка А.А. Зимина (см.: Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 314, 324).

текста. Кроме того, сам договор отличается от предыдущих московско-тверских договоров, поскольку носит неравноправный характер, его труднее анализировать в контексте всей традиции. Привлекать же предыдущие договоры к рассмотрению необходимо — в силу устойчивости формуляра равноправных (или претендующих на равноправие) договоров тверских и московских великих князей, хотя сохранность более ранних актов весьма уступает вышеуказанным. Это сохранившаяся в копии 70-х гг. XV в. грамота Василия Дмитриевича (договор Василия I с Михаилом Александровичем Тверским, 1399 г. РНБ. ОСРК. Q. XVII. 58. Л. 51об.–55, по ДДГ № 15) и также копия, передающая текст договора не до конца, — грамота Бориса Александровича Тверского (договор Василия II с Борисом Александровичем Тверским, 1437 г.⁷ РНБ. ОСРК. Q. XVII. 58. Л. 59–61об., по ДДГ № 37).

Лишь ограниченно можно использовать в сравнительном анализе договор 1375 г. Дмитрия Донского и Новгорода с Михаилом Александровичем (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 3, копия первой половины XV в., по ДДГ № 9), так как он составлялся после проигранной последним войной и носил неравноправный характер.

Таким образом, есть смысл сосредоточиться на двух парах грамот московско-тверских договоров — Василия II с Борисом Александровичем (1454–1456) и Ивана III с Михаилом Борисовичем (1462–1464).

Обратимся к внешним характеристикам первой пары грамот — договора **Василия II с Борисом Александровичем** (1454–1456). По-видимому, для грамот была использована бумага одного и того же запаса. Филиграни на ней не обнаруживаются, но частота верже-ров (7 × 10 мм), ширина листа (295 мм) совпадают. Высота же листа различается. Грамота Бориса Александровича имеет высоту 370 мм, грамота Василия Васильевича написана на квадратном листе: 295 × 295 мм. Разнятся грамоты и по почеркам писцов. Почерки имеют общие черты, что закономерно для документов, написанных в одно и то же время, однако отличаются начертания многих букв, различна и орфография. В одних случаях тверская грамота в большей степени отражает особенности устной речи: последовательно встречается *што* (в московской — книжное *что*). В других, напротив, московский дьяк последовательно после шипящих пишет *ы*: *сважывати*, *нашыми* и т.п. В тверской же грамоте читается нормированное *и* после шипящих *ж* и *ш*. Столь же последовательно встречается в московской грамоте *хто* вместе книжного *кто* (так в тверской грамоте).

⁷ Следует согласиться с оценкой (в том, что текст договора приведен в копии не полностью) и с датировкой договора 1437 г. В.Г. Семенченко (*Семенченко В.Г.* Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века // Исследования по источникововедению истории России (до 1917 г.) / Отв. ред. В.А. Кучкин. М., 1997. С. 4–15.

Есть отличие и среди чисто графических пристрастий писцов, в частности, тверской дьяк гораздо меньше прибегает к выносным, всегда пишет *поедет*, в то время как в московской грамоте всегда *поръдет*, и др.

Почерк московской грамоты более мелкий: если в тверской грамоте текст занимает 58 строк, то в московской — 49. Отличаются чернила (в некоторых строках имеют другой, почти черный, цвет, в тверской грамоте чернила более светлые, отчасти потому, что больше выщвели), другое перо.

Разумеется, более существенны и интересны отличия в текстах смыслового и стилистического характера. Таково различие:

Грамота тверская (1454–1456)

А што вам слышевѣ ѡ нашем лихе, што намъ на пакость, или ѡ добръѣ, то вы нам повѣдати въ правдѣ, без примышления.

Грамота московская (1454–1456)

А что ти слышевѣ ѡ нашем добръѣ и ѡ лисѣ, что нам на пакость, то вы нам повѣдати в правдѣ, без примышления.

Отличается построение фразы. В первой грамоте сначала говорится о «лихе», а затем о «добре». Точно такая же форма фразы читается в копии предыдущего договора Бориса Александровича с Василием Васильевичем (1437 г.): «А што ти слышевѣ ѡ на|шем лисѣ, что нам на пакость, или ѡ добръѣ, | то вы нам повѣдат(и) въ правдоу, безѣ примы|шлен(ь)я».

В грамоте 1375 г. статья читается по-иному, с подробностями: «А што ти слыша ото кр(е)стьянина или | от поганина о нашем добръѣ или о лисѣ, а то ти нам повѣдати въ правду, по целованью, без хитрости»⁸, — «добро» и «лихо» идут в другом порядке. В договоре 1399 г. статья, напротив, более кратка, но «лихо» идет ранее «добра»: «А что вы слышевѣ ѡ на|шем лисѣ или ѡ добръѣ, а то вы нам по|вѣдат(и)».

Таким образом, напрашивается предположение, что писец ориентировался на образец предшествующей *тверской* грамоты. И такое построение фразы более логично, поскольку актуальней вовремя узнать о готовящемся злом замысле, а не о добром.

Следующее различие касается статьи, которая появляется лишь в этом договоре — в связи с разраставшимся военным конфликтом Василия Темного с Дмитрием Шемякой.

⁸ Близка к этой формуле и фраза в московско-рязанском договоре 1402 г.: Что ти |слышовѣ ѡ нашем добръѣ или ѡ лисѣ ѿ крестьянина ли, или ѿ поганина, то ти нам повѣдати в правдѣ, без примышлен(ь)я (копия конца XV в. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 10).

Грамота тверская (1454–1456)

Тако ж, брате, которои | мои брат
 молодшей и из меншии моее брат(ь)
 и згрубат мнѣ, великомѣ князю
 Борису Александровичю, и моему с(ы)
 ну, князю Михаилѣ, и меншим моим
 дѣтем, | кого ми Б(ог)ъ дасть, и тобѣ,
 великомѣ князю Василью, и твоим
 дѣтемъ, великомѣ князю Ивану и князю
 Юрью, и меншим твоим дѣтем, тѣх
вамъ | къ себѣ не приимати. А быти вам
со мною, съ великим князем Борисом, и
съ моими дѣтми на тѣх заудин.

Грамота московская (1454–1456)

Так же, брате, которои твои брат |
 молодшей и из меншыи твои брат(ь)и
 згубит тобѣ, великомѣ кн(а)зю Борису,
 и твоемѣ с(ы)ну, кн(а)зю Михаилѣ, и
 меншым твоим дѣтем, кого ти еще
 Б(о)гъ дасть, и мнѣ, велико|мѣ кн(а)зю
 Васил(ь)ю, и моим дѣтем, великому
 кн(а)зю Иванѣ и кн(а)зю Юрью, и
 меншым моим дѣтем быти нам с тобою,
с великим кн(а)зем Борисом, и с
твоими дѣтми на тѣх заудин, | а тѣх нам
къ собѣ на приимати.

Более последовательным выглядит построение статьи в тверской грамоте, поскольку если уже сказано, что на неких недругов нужно быть «заодин», то заявление о том, что их к себе «не приимати», выглядит излишним. Характерно, что в следующем московско-тверском договоре каждая сторона следует своей традиции, а в последнем договоре Ивана III с Михаилом Борисовичем в грамоте Ивана Васильевича (во второй грамоте эта часть не сохранилась) воспринята оказалась «тверская версия»: сначала «не приимати», а затем «а быти... на них вездѣ заудин».

Еще одним отличием является пропуск в тверской грамоте слова «удина»:

Грамота тверская (1454–1456)

А кто сѣ промытит, ино с воза про-
 мы|ты .̄ алтын, а заповѣди .̄ алтын,
 колко бы возовъ ни было. А промыта
 то, кто шбѣдет мыть.

Грамота московская (1454–1456)

А хто сѣ промытит, ино промыты с воза
 шесть алтын, а заповѣди шесть же алтын
удина, кол(ь) бы возов ни было. А промыта
 то, гдѣ | шб(ь)ѣдет мыть.

Столь подробная роспись норм относительно торговых и таможенных пошлин характерна только для московско-тверских договоров. Упоминание мыта и пошлин имеется в московско-рязанских договорах, но их краткость и иная форма не дают возможности привлечь эти договоры для аналогий⁹.

Размеры пошлин и штрафа на материале московско-тверского договора 1399 г. подробно рассмотрены В.А. Кучкиным¹⁰. При этом

⁹ «А мыты ны держати давнии пошлыи, | а непошлых мытов и пошлин не замышлати. А мыта с воза по дензе, а с пѣшехода мыта нѣт» (Договор 1381 г. Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского с Олегом Рязанским. РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 6).

¹⁰ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 310–312.

он отметил, что в последнем договоре между Иваном III и Михаилом Борисовичем сформулировано: «а заповѣди шесть жо алтын, колко бы возов ни было». То есть там тоже слово «вдина» отсутствует. Однако важно обратить внимание, что в московской грамоте договора 60-х гг. читается: «а заповеди шесть же алтын вдинако, колко бы возовъ ни было» (в тверском противне слова *вдинако* нет).

Немного яснее выглядит статья в московской грамоте о «печаловании» о княгине и детях, которое предстояло тому из двоих договаривающихся князей, кто останется в здравии:

Грамота тверская (1454–1456)

А ѡ(ѣ)имет Б(ог)ъ котороꝝ(о) из нас, и вам, брате, печаловатис(а) нашими кнаинами | и нашими дѣтми.

Грамота московская (1454–1456)

А штоимет Б(о)гъ котороꝝ(о) из нас, и вам, брате, печаловатис(а) по нашем животѣ нашими кн(а)гинами и нашими дѣт|ми.

Уточнение «по нашем животѣ» есть в грамоте 1399 г.: «А ѡ(ѣ)имет Б(ог)ъ котороꝝ(о) ѡ нас, и вам, | брат(е), печаловатис(а) нашим(и) кнегинам(и) и нашими | дѣтми по живот(ѣ) по нашем». Оно несколько снимает недостаток подробности этой необычной политической нормы. Множественное число («которого из нас») допускает толкование — смерть не только самого князя, но и его наследника, но далее оказывается, что дети попадают в категорию тех, о ком нужно печаловаться. Правильнее каждому князю было бы писать непосредственно о своей смерти, а не о «которого из нас», поскольку дальше речь идет о печаловании со стороны конкретного князя (в каждом случае — «вам, брате»).

Договор первой половины 60-х годов XV века Ивана III с Михаилом Борисовичем заключался между недавно вступившим на великокняжеский московский стол сыном Василия Темного и наследником Бориса Александровича, также недавно ставшим великим князем тверским. Обращение к образцу договоров их отцов было вполне закономерным. При этом внешние характеристики двух грамот с большей очевидностью, чем в предыдущем договоре, показывают, что бумага использована из одного комплекта. Обе грамоты написаны на листах 415 × 280 мм. Вержеры — 8 × 10 мм. Расстояние между понтюзо равно 30 мм. Филигрань Якорь — Лихачев № 2934 — 1462 г. (на листе московской грамоты видна лишь нижняя часть филиграни из-за поздней плотной подклейки листа). Однако, как и в предыдущей паре грамот, почерки писцов имеют существенные различия, в первую очередь, почерк московского дьяка намного мельче: тверская грамота занимает 61 строку, московская уместилась на 45, отличаются и характерные начертания ряда букв (з, д, ѣ и др.).

Что касается особенностей орфографии, то в этой паре отступление от книжной нормы демонстрирует московская грамота. Последовательно пишется *тобѣ*, встречается написание *кто* (хотя в той же грамоте пишется и *кто*), *х тобѣ*.

Разночтения содержательного и стилистического характера в ряде случаев фиксируются в тех же статьях, что и в вышерассмотренных грамотах. Это касается статьи об обязательствах не поддерживать, а выступить против «згрубивших» братьев:

Грамота тверская (1462–1464)

Такъ же, брате, которои мои братъ молодшой и из меншиѣ моеѣ брат(ь) и згрубит мнѣ, великому кн(а)зю Михаилу Борисовичю, и моим дѣтем, | и тебѣ, великому кн(а)зю Ивану Васил(ь)евичю, к себѣ их не примати, ни твоим дѣтем, ни твоему брату молодшому, кн(а)зю Юрью Васил(ь)евичю, ни твои бра[т(ь)е] | меншой, кн(а)зю Ондрѣю и кн(а)зю Борису, и кн(а)зю Ондрѣю Васил(ь)евичем. А быти вам со мною, с великии кн(а)з(е)мь, и с моими дѣтми на тѣх задин.

Грамота московская (1462–1464)

Так же, брате, которо|и твои брат молодшой и из меншеи твои брат(ь) и згрѣбит тобѣ, великомѣ кн(а)зю Михаилѣ, и мнѣ, великомѣ кн(а)зю Ивану, и моемѣ братѣ молодшемѣ, кн(а)зю Юрью, и нашии брат(ь)е меншеи | [быти с то]бою, с великим кн(а)з(е)мь Михаилом, и с твоею братьею с молодшею, съ кн(а)з(е)мь с-Иваном съ Юрьевичем и со кн(а)з(е)мь Михаилом Дмитриевичем, на тѣх задин. А тѣх нам к собѣ не примати.

Статья содержит достаточно много текстовых различий, но не все они имеют непосредственное отношение к формуляру, а могут трактоваться и как вполне сознательные. Так, в тверской грамоте читается «згрубит мнѣ, великому кн(а)зю Михаилу Борисовичю, и моим дѣтем», в московской же дети Михаила не упоминаются. Зато в московской быть «задин» предполагается Ивану Васильевичу с Михаилом и с его «младшею братьею», о которой не сказано в тверской. Главное же, что обращает на себя внимание, — это то, что с порядком «не примати» и быть «задин» наблюдается та же картина, что и в договоре 50-х гг.: логичный порядок — сначала «не примати», а потом быти «на тѣх задин» — в тверской грамоте, а обратный — в московской. Это заставляет подозревать, что дьяки писали противни каждый со своей предыдущей грамоты (или черновика, который оставался в местной канцелярии).

Работа канцелярий по совершенствованию статей привела, видимо, к более адекватной форме раздела о «печаловании» о семье после смерти одного из князей. Особенно вразумительным выглядит текст в московской грамоте:

Грамота тверская (1462–1464)

А отоимет Б(о)гъ которого из насъ, а которого из нас Б(о)гъ оставит, и вамъ, брате, печаловатиса нашими княгинями и нашими дѣтьми.

Грамота московская (1462–1464)

А штоимет Б(о)гъ которог(о) из нас, а которого Б(о)гъ из нас оставит, ино томъ, брате, печаловатиса по нашемъ животе нашими кн(а)г(и)нами и нашими дѣтьми.

Московский дьяк наконец нашел нужную форму выражения, чтобы читающему было ясно, что «печаловатиса» должен тот, кого Бог оставит жить. Но дальше двусмысленность остается: о чем «нашем животе» идет речь? Если видеть в выражениях «*нашими* кн(а)г(и)нами», «*нашими* дѣтьми» объединение обеих княгинь и всех потомков обоих князей, то все выглядит логично (о них обо всех нужно будет «печаловатиса» оставшемуся князю), но «*по нашемъ* животе» в эту смысловую конструкцию не вписывается, поскольку если оба умрут, то никто и не сможет «печаловатиса». В этом смысле было бы целесообразно использовать местоимение в единственном числе.

Статья эта имеет не больше аналогий в актах, чем статьи про мыт и промыту. На материале договора 1399 г. она исследована В.А. Кучкиным, который отметил необычность таких статей для неродственных договоров¹¹. Но и для родственных актов примеров не так уж много. В договоре великого князя Симеона Ивановича с братьями звенигородским князем Иваном и серпуховским князем Андреем 1348 года читается: «...а не обидѣти тобѣ, ни имати ничего ото княгини и отъ дети, чимъ ны кого благословиль отецъ нашъ по роздѣлу» (РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 1). Статья обращена к великому князю и, как отмечал В. А. Кучкин, «содержит требование к великому князю в случае смерти Ивана и Андрея не отнимать у их вдов и детей того, что получили братья от отца, Ивана Калиты»¹². Неопределенность смысла самой нормы вела к неясности ее формулировок.

Имеются разночтения — пропуски, скорее всего случайного характера:

Грамота тверская (1462–1464)

...и вам са, брате, не имати [за] Дом С(ва)т(а)го | Сп(а)са, а за нашу ѿчину за великое княжен(ь)е, ни тебѣ, ни твоим дѣтем, ни твоему брату

Грамота московская (1462–1464)

...вам | [са, брате,] не имати за нашу ѿчинѣ, за великое княж(е)ние за Москву и за Великий Новгород, под мною, под великим кн(а)з(е)мъ Иваном

¹¹ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 321.

¹² Кучкин В.А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. VIII. С. 152.

молодшому, кн(а)зю Юрью Васил(ь)евичю, ни твоєи брат(ь)е меншой, кназю О[ндр]ѣю, и кн(а)зю Борису, и кн(а)зю Ондр[ѣ]ю Васил(ь)евичем, ни под моими дѣтми, ни под моею братьєю молодшою, подо кн(а)з(е)мь Иванов Юрьевичемь и подо кн(а)з(е)мь | Михаилом Дмитреевичем, ни под нашою брат(ь)єю меншою.

Василіевичем, и под моими дѣтми, и под моим братом, кн(а)зем [Юрьем, и] под | [м]еншею нашою брат(ь)єю, их ѿчин, ни твоєи брат(ь)е молодшеи, кн(а)зю Ивану Юріевич(ю) и кн(а)зю Михаилу Дмитреевич(ю), ни вашей брат(ь)е менш[ои, ни под] нашими [дѣтми].

Очевидно, что в тверской грамоте оказалось пропущено «подо мною под великим князем...» — перед словами «ни под моими дѣтми, ни под моею братьєю молодшою...».

Грамота тверская (1462–1464)

Грамота московская (1462–1464)

А кормь взати, а не користовати[с]а ни|чим.

А кормь взати, не користоватис.а.

Особенность в разделе о пошлинах в московской грамоте уже отмечалась (относительно размера заповеди: «шесть же алтын вдинако»). Кроме этого есть случай, где в тверской грамоте допущен пропуск:

Грамота тверская (1462–1464)

Грамота московская (1462–1464)

А мытника Ѹ завора не будет, а проѣдет | мыт, а състижет его мытник, и онъ возмет свои мыт, а промыты и заповѣди нѣтъ.

А проѣдет мыт, а мытника Ѹ завора не бѣдет, ино мыта и промыты нѣтъ. А сѣсти|[же]т его мытник, и онъ возметъ свои мыт, а промыты и заповѣди нѣтъ.

Ясно, что подчеркнутый во второй колонке текст выпал по недосмотру писца, так как без этого фрагмента оказывается нерассмотренным случай, когда мытник не догонит проехавшего мыт в его отсутствие.

Как говорилось выше, анализ **последнего договора Ивана Васильевича и Михаила Борисовича** может носить лишь дополнительный уточняющий характер. В целом грамоты имеют между собой гораздо меньше отличий (даже незначительных), чем рассмотренные выше. Складывается впечатление, что как раз в этом случае писцы опирались на один и тот же текст. Но несколько отличий в части, где имеются параллели текстов обеих грамот, фиксируется.

В грамоте Ивана Васильевича имеет место перестановка статей — о рубеже между «отчинами» двух князей и о недействитель-

ности грамот, «что судил Киприан». По традиции статья «О рубеже» идет после «судов Киприана». По-видимому, эта перестановка была допущена в московской грамоте не намеренно, а в результате случайного пропуска писцом статьи «судов Киприана», который им был быстро замечен и восполнен в последующем тексте.

Второе разночтение между двумя противнями этой грамоты — это статья о «печаловании» о вдовой княгине при смерти одного из договаривающихся князей оставшимся в живых князем. Здесь остаются те же редакции, которые в каждом противне читались в договоре 60-х годов:

Грамота московская (1484–1485)

А штоимет Б(о)гъ которого из насъ,
а котороз(о) из нас Б(о)гъ вставит,
ино томъ, брате, печаловатиса по
нашем животѣ нашими кн(а)г(и)нами
и нашими детми.

Грамота тверская (1484–1485)

А штоимет Б(о)гъ котороз(о) из нас,
а которого из насъ Б(о)гъ вставить,
и вам, г(о)с(поди)не, печаловатиса
нашими кн(а)г(и)нами и нашими
дѣтми.

В свете уже отмеченных отличий между тверскими и московскими грамотами 50-х и 60-х гг. стоит заметить, что в отношении мыта и промыты при отсутствии мытника текст обеих грамот последнего московско-тверского договора повторяет тот самый текст с пропуском, который обнаруживается в тверской грамоте 60-х гг.:

Грамота московская (1484–1485)

А мытника ъ завора не бѣдет,
а проѣдет мыт, а състижет его
мытник, и он возмет свои мыт,
а промыты и заповеди нѣт.

Грамота тверская (1484–1485)

А мытника ъ завора не бѣдет,
а проедет мыт, а състижет егw
мытник, инъ возмет свои мыт,
а промыты и заповѣди нѣтъ.

Поскольку ведущую роль в составлении договора играла московская сторона, можно думать, что образцом для статьи послужил противень, находившийся в великокняжеской канцелярии (тверская грамота предшествующего договора).

Таким образом, можно констатировать, что работа над текстами договоров (особенно в XV в.) была тщательной и многоступенчатой. Случавшиеся упущения писцов одного противня в определенной степени нивелировались наличием другого. Делать более детальные и более общие выводы относительно процесса создания текста таких документов можно будет после изучения противней других серий грамот.